

© 1993 г.

Л. ЗАХЕР

**ПАДЕНИЕ КОММУНИЗМА. ЧТО ДАЛЬШЕ?
ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ,
ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ**

ЗАХЕР Лех - профессор (Польша). В нашем журнале публикуется впервые.

Фактом, во всяком случае, является то, и это главное в оценке, что мир может быть изменен в определенной степени и что при колоссальных усилиях огромной массы людей можно немного улучшить его; история, несмотря ни на что, дает нам определенные подтверждения этой точки зрения.

Л. Колаковський. Бог или противоречие между мотивом и последствиями поступков.

Мысль, содержащаяся в эпиграфе, не бесспорна во второй своей части, где речь идет, по сути дела, об исторических подтверждениях идеи прогресса («улучшения мира»). Поппер эту идею не поддержал бы. Однако большинство теоретиков развития и цивилизации исходит из этой идеи Просвещения, выраженной в том или ином виде. Также поступает Маркс и марксизм, особенно когда речь идет о теории общественных формаций или, попросту говоря, о смене этапов развития человечества. Этапы характеризуются при этом определенным способом и уровнем организации и управления обществом. Фундаментальной парадигмой Маркса является положение о производственных отношениях и интересах, причем оба элемента определяются господствующим типом собственности на средства производства. Теория формации, как определенная идеализация или модель, теоретически выглядит достаточно изящно (особенно если опустить трудно уместяющуюся в концепции линейного прогресса античную формацию).

Теория Маркса, предсказывающая необходимость и обязательность развития человечества до коммунистической формации (иногда определяемой понятием социализм) неоднократно подвергалась критике как в отношении отдельных ее посылок, так и за слишком далеко идущие исторические выводы. Является ли падение коммунизма в Восточной Европе очередным, на этот раз эмпирическим доказательством правильности такой критики? Поскольку речь идет о выяснении проблемы в понятиях примитивного антикоммунизма, попробуем ответить на этот вопрос дать через определение ряда исследовательских проблем.

Начнем с фактов. Способ производства, опирающийся на коллективную (фактически государственную) собственность на средства производства и связанные с ним механизмы управления, «овладели» большей частью человечества - Россией, а затем и Китаем, Восточной Европой и другими, меньшими, как правило, слабо-развитыми странами. Русская революция являла собою полностью автономный процесс, другие же были, в определенной мере, следствием воздействия, зачастую в форме фактического «экспорта революций».

Это упрощенное по необходимости описание определенного периода существования человечества может провоцировать много вопросов, особенно для тех, кто не является сторонником теории формации. В числе прочих это может быть вопрос о

том - был ли это процесс необходимый и неизбежный; являл ли он собою историческую закономерность; был ли прогрессивным и, если да, то в каком смысле, с чьей точки зрения. Было ли то, что возникло в результате вышеупомянутых революций, действительно социализмом (какой-либо его формой или фазой) или же это какая-либо неудачная «историческая бифуркация», преходящая, а может быть, даже и регрессивная. Может, это была ошибка человечества (особенно в смысле сознания и идеологии), какой-то тупик истории, погрешность цивилизации, ее болезнь? Несмотря на то, что некоторые вопросы сами содержат в себе ответы, предлагаем считать их открытыми. Теоретики будут по-разному отвечать на них.

Можно сформулировать еще ряд вопросов - например, является ли падение коммунизма окончательным, тотальным, знаменует ли собою начало глобального процесса или, как и сам коммунизм, представляет собою нечто частное, не всеобщее. Неясно, изменится ли со временем положение и, если да, то в каком направлении; или мы имеем дело с процессами необратимыми. Пал ли коммунизм раз и навсегда, или он может возродиться и, если да, то в виде чего?

Отвечая на все эти вопросы, необходимо помнить, что идеи социализма существуют с незапамятных времен: некоторые ищут их начала в предполагаемом первобытном обществе, другие - в раннем христианстве или в работах утопистов. Характерные для этой идеологии идеи равенства и социальной справедливости веками находятся в центре внимания людей, политических организаций, союзов. Некоторые элементы, считающиеся генетически связанными с социалистической мыслью, реализованы в мире в виде так называемого шведского социализма. Критика капитализма, в том числе и современного, также, в определенном смысле, ведется с позиций некоторых социалистических идей. В наше время жива не только идеология. Очень значительная доля человечества все еще продолжает жить в социалистическом обществе (Китай с населением в 1,2 млрд. человек, Вьетнам, Куба и т.д.).

Принимая во внимание все вышесказанное, было бы некорректно категорически и без оговорок, как это делается зачастую, утверждать окончательную гибель коммунизма и наступление посткоммунистической эры. Даже если исходить из посылки, что коммунизм уже находится в периоде распада, неизвестно, как долго может длиться этот процесс и что явится следствием его - капитализм, каким мы его знаем, какая-либо мутация его или еще какая-либо гибридная система.

Неясно также, ведут ли «бархатные» демократические (на деле антикоммунистические) революции в Восточной Европе к «возвращению» к капитализму, к «выходу из тупика» или же к пока неизвестным формам посткоммунизма. Размышляя исторически, мы вынуждены констатировать, что падение социализма (коммунизма), так же, как когда-то падение капитализма, беспрецедентно. У нас нет опыта и мы, вероятнее всего, не до конца знаем, чего человечество хочет и ждет от революций.

Нельзя ведь некритически предполагать, что все, что является капиталистическим универсально, поскольку эта система существует лишь несколько столетий, а в развитой форме (так называемый поздний капитализм) вообще несколько десятков лет.

Существует еще одно «но». Капитализм развивался, по сути дела, эволюционным путем, некоторым образом органически, в то время как нынешнее «возвращение к капитализму» является, по сути своей, революционным и «вручную управляемым» политикой и антикоммунистической идеологией. В связи с этим от «детектирования капитализма» до его «достижения» может пролечь длинный путь, чреватый возвратами, ошибками, волюнтаризмом - так, например, темпы приватизации в Польше определяют не экономические механизмы, а министерства и ведомства. Поэтому смена социализма капитализмом, как и ранее свершившаяся замена капитализма социализмом, содержит в себе элемент «искусственности», опираясь в значительной мере на идеологию и на отрицание «предыдущей» системы. Мы же полагаем, что именно такого рода простое отрицание было ошибкой Маркса, поскольку, живя в ранней фазе становления капитализма, он конструировал модель будущей социалистической системы путем отрицания отдельных черт предыдущей

системы. Это отрицание, вопреки намерениям автора, было механистическим, а не диалектическим и привело на практике к возникновению искусственной конструкции, являющейся одновременно идеологической реализацией критики и определенной социальной утопии. Такой подход дает возможность объяснения проблемы неэффективного функционирования социализма, его непрочности.

Следует сделать еще одно замечание. Современный капитализм мы рассматриваем сейчас не только с точки зрения его исторических или универсальных ценностей и черт, но в контексте современного порядка мира, мировой системы, понимаемого как упорядоченная совокупность отношений и зависимостей, с определенными гегемонами (центрами) и их стратегией и политикой. Может быть, социализм как периферийная система, слабый, зависимый не имел шансов на выживание в данном соотношении сил, но, несмотря на всю искусственность своей природы, смог бы выжить в ситуации общей слабости или кризиса мировой системы? Некоторые исследователи обращают внимание на то, что капитализм является системой эффективной, действенной, производительной, симпатичной в «хороших условиях», в ситуации благополучной конъюнктуры, но он же может быть социально и политически неадекватным в случае мирового краха (возникновение войны, экологического кризиса, волнений в «Третьем мире», религиозных войн и т.п.). В критических ситуациях большее значение могут иметь не потенциальные экономические возможности капитализма, а какая-либо идеология (социалистическая, исламская, расистская). В ситуации катастрофы, ведущей к дефициту, для людей гораздо более важным может стать справедливое распределение нищеты, чем производственно-технические возможности системы свободного предпринимательства и свободного рынка. И даже если мы исключим мировой экономический кризис, то вообще возможность каких-либо других кризисов исключить нельзя. Пессимистические прогнозы, в случае их оправдания, могут нарушить, потрясти мировой порядок и его фундамент - капиталистическую систему. Конечно, нужно верить, что кризисов удастся избежать с помощью, например, методов сильной руки - превентивного атомного удара по потенциальному «нарушителю спокойствия». Но останется ли мир после ограниченной ядерной войны миром, управляемым «бедными и богатыми», «промышленной демократией»? Даже если современный капитализм является универсальным «философским камнем» для экономики и развитого общества, то в экстремальных ситуациях это может быть для людей менее существенно, чем необходимость выживания или победы над ненавистным религиозным, расовым, идеологическим врагом.

Ход наших размышлений осложняется тем, что в них необходимо ввести существенную категорию - категорию тоталитаризма. Реальный социализм (коммунизм) был тоталитарной системой. Поэтому есть необходимость рассматривать его не только в контексте формации (Маркса), но и в другом, определяемом не на основании формы собственности на средства производства, контексте.

Уже говорилось о частично утопической природе марксизма и о том, что коммунизм иногда называют реализацией утопии («утопия у власти»), при этом реализацией тоталитарной. Предваряя ход наших размышлений, отметим, что утопическое улучшение мира или его авторитарная тоталитарная отягощенность не являются чертами, присущими только марксизму. Эти характеристики могут быть отнесены ко многим направлениям мысли и действия в истории человечества. Сошлемся хотя бы на фашизм.

Тоталитаризм, как определенный способ функционирования общества и управления им, легко освобождается от философских обоснований, из которых он вырос исторически, поскольку является, скорее, прагматическим способом управления. Вот что пишет по этому поводу Л. Колаковский: «Мы являемся свидетелями и участниками мощных и разнообразных духовных процессов, совокупные результаты которых не поддаются прогнозированию. С одной стороны, мы наблюдаем крах многих оптимистических и гуманистических стереотипов, унаследованных от XIX

века, всеохватывающее чувство поражения, в котором оказались различные области культуры. С другой стороны, благодаря невероятной скорости распространения информации, возрастанию ее объема, аспирации людей во всем мире растут значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения, что вызывает к жизни огромное число фрустраций и следующую за ними готовность к агрессии. Коммунизм оказался весьма эффективным в канализации фрустрационной агрессии и управления ею в различных областях, в зависимости от обстоятельств, используя при этом осколки марксистской фразеологии.

Мессианистские надежды являются оборотной стороной отчаяния и бессилия, охватывающих людей при виде ими самими вызванных к жизни бед. Оптимистическая вера в то, что все проблемы и человеческие несчастья имеют готовое и сиюминутное решение, и что только злонамеренность так или иначе идентифицируемых врагов не позволяет их разрешить, очень характерна для идеологических построений марксизма, который по этому поводу должен изменять свое содержание в зависимости от ситуации и создавать гибриды с различными идеологическими традициями - в их числе можно назвать идеологии "третьего мира", националистические, антиимпериалистические и другие» [1].

Марксизм, как полагают некоторые исследователи, сегодня не объясняет мира и не изменяет его. Он является лишь аккумулятором лозунгов, служащих организации различных интересов и чаще всего не имеющих ничего общего с теми, с которыми ранее идентифицировался марксизм.

Определяя будущее, мы можем говорить и о вариантах его или альтернативах. Можно выдумывать будущее (как Габор), можно исследовать тренды (как Несбитт), можно заниматься хотя бы «частичной», как говорит Поппер, общественной инженерией. Среди различных видений будущего есть и такие, которые предвидят возможность возникновения тоталитарных, авторитарных тенденций, в масштабе как отдельных обществ (речь идет, например, об угрозе в так называемом информационном обществе), так и глобальных (возможность религиозных, имперских войн, войн за передел мира). Эти возможности связываются не с марксизмом, коммунизмом или социализмом, а с современными научно-техническими революциями (микропроцессорная, информационная, биотехнологическая и т.д.) и их трудно предсказуемыми социальными последствиями или с изменением геополитической ситуации. Сценарии демократии с авторитарными и тоталитарными тенденциями - проблема глобальная.

Переход от тоталитаризма к демократии означает изменение парадигмы управления обществом. Специфика этого изменения описана недостаточно - ведь критиковать и отрицать плохую систему гораздо легче, чем формулировать принципы хорошей. Обращаясь к истории, мы обнаруживаем, что демократическая система - это не столько реализация какой-то идеальной модели, каких-либо универсальных принципов а указаний, какой-либо возвышенной аксиологии, сколько постоянный настойчивый поиск, исправление, усовершенствование социальных механизмов власти, политики, включенности, попытки достижения консенсуса, разрешения конфликтов и т.д. Мы не обнаружим, вероятно, общества, которое бы развивалось демократически «с начала до конца» и «непрерывно». В истории каждого общества мы обязательно увидим какие-нибудь темные пятна - рабство, войны, периоды авторитарного правления, времена бесправия. Афинская демократия основывалась на рабстве, идеальную модель государства Платона Поппер обвиняет в тоталитаризме. Напрасно мы будем искать развитые формы демократии в феодализме или раннем капитализме: даже любимая всеми американская модель очень молода и, как известно, американцы начали с поголовного уничтожения индейцев, введения рабства, расовой сегрегации, не говоря уже о бесправии времен Дикого Запада, организованной преступности, мафии, убийствах президентов, афер типа Уотергейт и Ирангейт. Но зародыши демократии появились уже в древности - у древних греков; в средневековье - в Англии и ранее в Скандинавии. В более позднее время формой борьбы за демократию стали революции -

антиподы демократии, особенно в те периоды, когда они начинали «поедать своих детей». Рафинированные формы демократии представляет современный развитый, «поздний» капитализм, особенно американский, но и скандинавский, английский и др.

Мы считаем, что демократия как способ управления в значительной мере является делом практики, а не только принципов. Любые ортодоксальные попытки реализации «власти народа», а именно так переводится греческое слово «демократия», кончались не очень удачно. Вспомним хотя бы «народные демократии» Восточной Европы. Видимо, гораздо более продуктивным способом, чем реализация принципов какой-либо схемы, является их соблюдение с помощью мудрой и искусной политики уступок, соглашения, поддержки, стимулирования и создания условий, содействия эффективному функционированию людей в обществе, в сфере власти, управления, политики, принятия решений. В этом контексте интересна философия политики и общественной деятельности Поппера. «Если бы, - пишет он, - я должен был бы дать простую формулу или рецепт для различения того, что я определяю как допустимые планы общественной реформы и недопустимые проекты утопии, то мог бы сказать так: действуй скорее для устранения конкретного зла, чем для реализации абстрактного добра. Не пытайся обеспечить счастья политическими средствами. Стремись скорее уничтожить конкретные страдания. Но не пробуй реализовывать эти цели путем выработки и воплощения в жизнь абстрактного идеала общества, совершенного во всех отношениях. Не позволяй, чтобы твои мечты о прекрасном мире уводили тебя от требований людей, страдающих сегодня рядом с тобой. Ни одно поколение не может быть принесено в жертву для блага будущих поколений, во имя идеала счастья, может быть, вовсе и не реализуемого. Человеческое страдание - самая острая проблема рациональной социальной политики, в то время как счастье такой проблемой не является» [2].

Существует проблема выражения такого рода рекомендаций в категориях дисциплин, связанных с управлением общества, например, в терминах кибернетики, теории организации и управления, теории систем, праксеологии. Возможно ли операционально выразить, что речь идет об инициативе снизу, об индивидуальности, об уважении меньшинств, о принципе «для людей и с людьми», о равенстве шансов, о соучастии и т.д. Здесь мы нередко встречаемся со склонностью к технократическим понятиям, к тотальной социальной инженерии. Поппер пишет: «Целостная утопическая социальная инженерия никогда не занимается, в противоположность частичной, проблемами "частного" характера, а всегда только "общественными". Ее целью является перестройка "всего общества" согласно заранее начертанного плана или проекта. Стратегической задачей является здесь "захват ключевых позиций" и такое расширение государственной власти, что понятия государство и общество становятся тождественными. С этих "ключевых позиций" утопическая инженерия пытается управлять силами истории, определяющими будущее общества: тормозить его развитие или предугадывать его и приспособлять к нему общество» [3].

Взгляды Поппера и его критика холистски-утопической социальной инженерии значимы для всех дискуссий о социальном управлении. Поппер успешно критикует радикальный холизм и радикальный утопизм, соглашаясь на принципиальную возможность частных подходов. Иногда кажется, что его критика адресуется догматически или абсолютистски понимаемым интерпретациям взглядов Маркса, Маннгейма или Платона.

Из-за недостатка места мы не будем касаться важных вопросов относительно самой управляемости социальной системы, ее сферы и характера. Однако мы можем предположить, что управление свершается в рамках попперовской частной социальной инженерии или на основании подготовки вариантов и «выбора ответов» в связи с появляющимися перед принимающими (в широком смысле слова) решения проблемы. Такое предположение может относиться и к ситуации, при которой общественные системы управляются плохо. Мы можем, наконец, отбрасывая технократические модели социальной кибернетики, говорить об «управлении через демократию» или «самоуправлении», хотя бы в метафорическом смысле.

Мы предполагаем существование определенных целей в проблем, механизмов и вариантов выбора, ожиданий, решений, определенных способов их артикуляции, рационализации, формулирования и практического, более или менее удачного, решения. В худшем случае можно говорить о попытках управления, о сознательном стремлении к нему, подкрепленном знаниями, вариативным мышлением, выработанным в ходе принятия решений опытом. Утверждаем поэтому, что хотя бы в таком скромном объеме управленческие усилия в масштабах общества могут быть эффективными.

Очевидно, что при этом необходимо отказаться от определенных иллюзий относительно возможности полной управляемости, тотального контроля, стопроцентной эффективности, большей степени предвидения поведения, легкости распознавания и идентификации явления, иллюзии аддитивности элементов исследуемой совокупности, абсолютной рациональности, точной измеряемости поступков и результатов. Необходимо помнить о всяких ловушках и «парадоксах системы».

В заключение попытаемся сформулировать выводы и рекомендации, связанные с изменением парадигмы управления обществом.

Нижеприведенные сопоставления дихотомичны, это идеальные типы, не претендующие на исчерпание проблемы. Изменение парадигмы связано, между прочим, с типом рациональности и ее оснований (ориентаций).

Модель	
тоталитарная	демократическая
Коллективистская	Индивидуальная
Монополистическая Технократическая	Лемонополизованная Гуманистическая
Авторитарная	Демократическая
Идущая сверху	Идущая снизу
Элитарная (политические элиты)	Элитарная (элиты власти) и участвующая
Централистская Всеобщая (общий интерес)	Децентрализованная Локальная и единичная
Иерархическая	Кооперативная

Можно было бы называть дополнительные черты обеих моделей (парадигм) - например, сильная исполнительная власть против сильной законодательной, классовость против групп. Можно было бы противопоставить гражданское общество обществу тоталитарному.

Изменение парадигмы можно представить и с точки зрения видения цели, методов и эффектов управления. Очевидно, приведенные характеристики приблизительны, умозрительны и даже метафоричны.

Мы не рассматриваем здесь и проблемы отношения идеальных типов и действительности, в которой реальные модели характеризуются определенным способом, позволяющим их классифицировать. Принимаем как очевидное и то, что управление или политика является не только наукой, но и искусством, особенно в демократическом обществе. Очевидно, что управление может быть и тоталитарно направленным. Социальная или политическая кибернетика может служить добрым или злым целям - целям освобождения демократии или целям закабаления и манипуляций. Уже в 1943 г. Ф. Хайек назвал один из разделов своей книги «Дорога к рабству» остерегающе: «Сторонники тоталитаризма среди нас». Хотя демократия действует по существу по принципу обратной сопряженности, это совсем не означает, что теоретики и практики социального управления демократичны, гуманны, что главным для них является человек, что они озабочены проблемами экологии, имеют склонность к децентрализации решений, к последовательности в поступках, не

Модель	
тоталитарная	демократическая
Цели	
абстрактные	более конкретные
легуманизированные	гуманные
всеохватывающие	разнообразные
единые	альтернативные
единственно верные	многовариантное будущее
идеологизированные	деидеологизированные
Методы	
твердые (преодоление противостояния)	мягкие (поиск консенсуса, переговоры)
плановые	рыночные
централизованные	децентрализованные
доминированные государством	покапные частные
«механические» методы адаптации	«органические» механизмы адаптации
радикальные	эволюционные
Эффекты	
«острые»	менее «острые»
широкомасштабные	узкомасштабные
дорогостоящие (часто)	более дешевые и более эффективные
не одобренные	общественно принятые, одобренные
разрозненные	синергические
углубляющие авторитарность	углубляющие участие

приемлют идеологизации, монополизации, автаркии и т.д. Поэтому все модели управления и их употребление требуют исчерпывающего истолкования посылок и оценки не только специалистов, но и граждан.

Перевод с польского И.В. ЛАДОДО

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kolakowski L.* Glowne nurty markszmu. Warszawa, 1989. S. 1212.
2. *Popper K.R.* Nedza historycyzm. Warszawa, 1989. S. 44.
3. *Zacher L.* Technokratyzm // *Oswiata i Wychowanie*, 1987, № 32, S. 12x.